

В тишине ночной слышен звук глухой,
Драгоценный звук, сладкий перестук,
Сердцем слышимый во тьме,
Льется музыкой во мне.

В сердце музыка звучит,
Бьется, плещется, стучит.
Ножек маленьких толчки
Так нежны и так легки.

Прекрасный дар небес,
Чудеснейший из всех чудес.
Коснись меня своей рукой,
Мои тревоги успокой.

Моя любовь, мои надежды
С тобою связаны, как прежде,
И сердце, как в ночи звезда,
Принадлежит тебе всегда.

Верны друг другу до конца,
Пусть в унисон стучат сердца!*

* Пер. Лепилиной Т. К.

Глава 1

Тишину кабинета нарушало стаккато старой пишущей машинки. В углу, где работал Билл Тигпен, висело облачко голубоватого дыма. На столе громоздились пластиковые чашки из-под кофе в опасной близости к краю стола, полные окурков пепельницы. Билл находился в цейтноте. Сдвинутые на темя очки, напряженное лицо, голубые глаза, вчитывающиеся в текст. Скорее, скорее... Взгляд через плечо на неутомимо отсчитывающие время настенные часы...

Билл печатал, словно понукаемый таящимися где-то рядом демонами. Его слегка тронутые седьмой каштановые волосы были в беспорядке, доброе, исполненное благородства лицо гладко выбрито. Он не был красивым мужчиной в прямом смысле этого слова, но производил впечатление человека сильного, привлекательного, достойного внимательного взгляда, — человека, с которым хочется общаться. Но, конечно, не сейчас, когда он стонал, вновь и вновь поглядывая на часы, и заставлял свои пальцы еще быстрее бегать по клавишам машинки.

Наконец наступила тишина. Быстро сделав несколько исправлений ручкой, Билл вскочил и сгреб то, над чем работал на протяжении семи часов, с пяти утра. Скоро час дня... скоро эфир...

Он пулей пролетел по кабинету, рывком распахнул дверь, пронесся мимо стола секретарши, словно бегун на олимпийской дистанции, стремглав промчался по холлу, стараясь не наталкиваться на людей, не обращая внимания на удивленные взгляды и дружеские приветствия коллег, затем нетерпеливо постучал в дверь и, когда она слегка приоткрылась, просунул пачку отпечатанных листов с только что внесенными исправлениями.

Это была знакомая процедура. Она происходила раз, два, иногда три или четыре раза в месяц, когда Билл решал, что ему не нравится, как развивается сюжет его детища — самого популярного дневного телесериала. Как только Билла посещали сомнения, он задумывался, полностью уходил в себя, потом писал один-два отрывка, переворачивал все с ног на голову и только после этого успокаивался.

Агент называл Билла самой беспокойной мамашей на телевидении, но при этом, конечно, понимал, что никто из сценаристов не может с ним тягаться. Билл Тигпен обладал безотказным чутьем на такие сюжетные повороты, которые поддерживали интерес к его сериалу. Оно пока ни разу не подводило.

«Ради жизни стоит жить» неизменно был популярнейшим дневным сериалом американского телевидения. В свое время Уильям Тигпен взялся за него ради заработка, когда, будучи молодым драматургом, бедствовал в Нью-Йорке. Сначала родилась концепция, потом сценарий первой серии.

В тот момент у Билла наступил промежуток в работе над пьесами, которые он писал для третьеразрядных театров. Тогда он был фанатиком своего дела — ставил театр превыше всего. Был женат, жил

в крошечной квартире в Сохо и чуть ли не голодал. Его жена Лесли танцевала на сценах Бродвея, однако, забеременев их первенцем, тоже потеряла работу.

Поначалу Билл посмеивался над иронией судьбы, которая заставила его взяться за «мыльные оперы». Но по мере того как он сражался со сценарием, шутки уступали место одержимости. Он обязан был это одолеть... ради Лесли... ради их ребенка. И, по правде говоря, эта работа стала ему нравиться. Даже очень. Да и телекомпания была довольна тем, что он сочинил. Они пришли в полный восторг от первых же серий, снятых в кратчайшие сроки.

Малыш и телесериал родились почти одновременно. Первый оказался замечательным девятифунтовым мальчуганом с голубыми, как у отца, глазами и ореолом золотистых кудряшек на головке. Они с Лесли назвали сына Адамом. Второй прошел пробным показом в летние месяцы, сразу набрав высокий рейтинг и вызвав своим исчезновением в сентябре бурю недовольства зрителей.

Через два месяца «Ради жизни стоит жить» вернулся на экраны, а перед Биллом Тигпеном открылась перспектива стать создателем самого популярного дневного телесериала всех времен. Потом наступила пора серьезного выбора.

Написанные им первоначальные эпизоды сериала так понравились актерам и режиссеру, что карьера драматурга вскоре была забыта. Его животворным эликсиром стало телевидение.

Биллу предложили за сюжет уйму денег. Он мог бы спокойно жить на проценты и писать дома пьесы. Но к тому времени сериал стал для него любимым детищем, он не мог бы заставить себя бросить его, а тем

более продать. Все придуманные сюжетные ходы Билл представлял себе реально и придавал большое значение затронутым им темам. Он словно беседовал со зрителем о жизни, разочарованиях, гневе, печали, победах, восторгах, любви, красоте, делился самым сокровенным.

Сериал нес людям надежду, свет — такова была идея главной сюжетной линии, положительными были и главные герои. Конечно, в нем присутствовали и отрицательные персонажи, но в конце концов все их интриги разоблачались и побеждали не они.

Детище Билла обладало некой принципиальной цельностью, чем и снискало себе множество верных почитателей, отражало суть своего творца — жизнелюбие, порядочность, доверчивость, доброту, наивность, интеллигентность, склонность к творчеству. И Билл любил свой сериал почти так же, как любил Адама и Лесли.

В те первые дни работы на телевидении он испытывал постоянное раздвоение: ему хотелось быть с семьей и в то же время присматривать за сериалом, дабы быть уверенным, что тот на правильном пути и не искажается по прихоти редактора или режиссера. Билл никому не доверял и сам все контролировал: он расхаживал по павильону, волнуясь, как бы чего не случилось, присутствовал почти на всех съемках, без конца давал советы всем — от режиссера до ассистента реквизитора — и к тому же успевал еще писать новые куски сценария.

К концу первого года стало ясно, что Билл Тигпен никогда не вернется на Бродвей. Он был заморожен, пойман в ловушку, безумно влюблен в телевидение и собственный сериал. Билл даже перестал извинять-

ся перед театральными друзьями и открыто признавал, что любит свое новое дело. В один из вечеров после многочасовой работы над новыми сюжетами, персонажами и идеями к предстоящему сезону он объявил Лесли, что ничем другим заниматься не желает.

Билл уже не мог представить своей жизни без своих героев, актеров, хитросплетений сюжета, лавины трагедий, переживаний и проблем. Сериал транслировали пять дней в неделю, но даже когда у Билла не было никакой необходимости присутствовать в павильоне, сериал все равно заменял ему и пищу, и воду, и воздух, и сон. В съемочной группе были авторы, которые подробно расписывали сценарий по репликам, но Билл постоянно контролировал их работу. Он имел на это право, потому что был виртуозом в своем деле, и никто из телевизионщиков не возражал против его вмешательства. Он был великолепным профессионалом. Билл инстинктивно угадывал, что сработает, а что нет, какие сюжетные ходы заинтригуют зрителей, какие персонажи им понравятся, а каких они возненавидят.

Когда через два года у Билла родился второй сын, Томми, сериал «Ради жизни стоит жить» завоевал два приза критики и «Эмми». Именно после получения первого «Эмми» телекомпания предложила перенести съемки сериала в Калифорнию. Руководству компании это показалось более разумным в творческом и организационном плане.

Билла эта новость обрадовала, чего нельзя было сказать о его жене Лесли. Она собиралась вновь приступить к работе, но уже не в качестве танцовщицы кордебалета на Бродвее. Пока Билл день и ночь пи-

сал о кровосмешении, беременности юных девочек и внебрачных любовных связях, она посещала балетную школу и теперь намеревалась вести танцевальный класс в Джулиардской школе.

— Что ты сказала? — с изумлением уставился на жену Билл, когда воскресным утром они сидели за завтраком.

Все у них складывалось хорошо, он прекрасно зарабатывал, ребята были замечательные — лучше не придумаешь. Так было до того злополучного утра.

— Я не могу, Билл. Я не поеду с тобой в Калифорнию.

Она кротко посмотрела на него. Такими же добрыми и выразительными были ее большие карие глаза, когда он впервые познакомился с ней у театра. Лесли тогда было двадцать лет. Это была добрая, порядочная и скромная девушка, отзывчивая, застенчивая и тонко чувствующая юмор. В те первые годы они много смеялись и до поздней ночи разговаривали в арендованной мрачной и холодной квартире.

Лишь совсем недавно Билл приобрел новые, прекрасные и очень дорогие апартаменты в Сохо. Он даже велел оборудовать жене место для занятий — зеркало во всю стену и балетный станок, чтобы Лесли могла упражняться дома.

И вдруг она заявляет, что все кончено.

— Но почему, Лес? Ты хочешь сказать, что не желаешь покидать Нью-Йорк?

Билл, казалось, был озадачен, а она, с полными слез глазами, покачала головой, отвернулась на мгновение, потом снова посмотрела ему в глаза. От

этого взгляда у Билла заняло сердце — в нем были гнев, разочарование, крушение надежд...

Он в ужасе задал себе вопрос, который еще пару месяцев назад не пришел бы ему в голову: а не разлюбила ли его жена?

— В чем дело? Что случилось?

«Как я мог это упустить? — спрашивал он себя. — Как я мог быть таким глупым?»

— Не знаю... ты стал другим... — Лесли снова покачала головой, махнув длинными темными волосами. — Нет... я несправедлива... мы оба стали друзьями...

Лесли глубоко вздохнула и попыталась все ему объяснить. Прожив с Биллом пять лет и имея от него двоих детей, она считала это своим долгом.

— Мне кажется, мы поменялись местами. Раньше я хотела стать великой звездой Бродвея, выдающейся танцовщицей, а твоим желанием было лишь писать пьесы, наполненные «глубоким смыслом». И вот твоя мечта сбылась...

Грустно улыбнувшись, Лесли замолчала, подыскивая нужные слова.

— Ты стал писать коммерческие вещи и одержим этим. Последние три года ты думаешь только о своем сериале: выйдет ли Шейла за Джейка?.. Попытался ли Ларри в самом деле убить собственную мать?.. «Голубой» Генри или нет?.. Лесбиянка ли Марта?.. Бросит ли она мужа ради некой женщины?.. Кто истинные родители Хилари?.. Сбежит ли Мери из дома?.. Будет ли она снова употреблять наркотики?.. Является ли Хелен незаконнорожденной?.. Выйдет ли она за Джона?

Лесли встала и, продолжая твердить знакомые имена, принялась расхаживать по комнате.

— Честно говоря, я уже свихнулась. Я больше не хочу о них слышать, не хочу с ними жить. Я хочу вернуться к простому, нормальному существованию, мечтаю снова заниматься танцами, серьезно преподавать. Я хочу обычной, спокойной жизни, без всего этого полуправдоподобного дерьма. Иногда мне кажется, что все эти Хилари, Шейлы и Джейки дороже тебе, чем я и наши мальчишки.

Она с несчастным видом посмотрела на Билла, и тому захотелось расплакаться. Он был круглым дураком. Пока жил в мире вымышленных друзей, он терял людей, которых по-настоящему любил, и даже не отдавал себе в этом отчета.

И все же Билл не мог пообещать жене, что все бросит, продаст свои авторские права на сериал, снова вернется к сочинительству пьес и будет обивать пороги продюсеров, выклянчивая деньги на их постановку. Как он теперь мог так поступить? К тому же он просто любил свой сериал, который позволил ему поверить в свои силы и возможности, реализовать их и почувствовать себя счастливым...

И вот теперь, когда он находится на гребне успеха, Лесли уходит. Это какая-то злая ирония. Сериал пользуется огромной популярностью, его автор тоже, а она тоскует по дням, когда они жили впроголодь.

— Я сожалею.

Он пытался заставить себя быть спокойным и рассудительным.

— Я понимаю, что последние три года был целиком погружен в работу над сериалом, но мне казалось необходимым контролировать его. Если бы

я выпустил его из рук, передал кому-то другому, то они могли бы обеднить его, превратить в банальное, слезливое, тошнотворное барахло, годное разве только для пожилых домохозяек. Я не мог этого позволить. А сериал все-таки получился цельным. Ты, Лес, можешь это признавать или нет, но именно это нравится телезрителям. Но я не всегда буду так с ним возиться. Я думаю, в Калифорнии все пойдет иначе... более профессионально... более ответственно, я чаще смогу отключаться от него и больше времени посвящать тебе и детям.

Билл теперь писал лишь основные сюжетные линии, но продолжал контролировать съемочный процесс.

Лесли лишь недоверчиво покачала головой. Она хорошо знала мужа. Когда он писал свои ранние пьесы, дело обстояло так же. Он мог работать два месяца без всякой передышки, не думая о еде, сне или еще о чем-либо. Но тогда это продолжалось всего два месяца, и Лесли находила в этом какую-то прелесть. Теперь ей уже так не казалось. Она была сыта всем по горло: его интенсивной работой, одержимостью, стремлением к совершенству.

Лесли знала, что Билл любит ее и мальчиков, но не так, как она об этом мечтала. Ей хотелось, чтобы муж уходил на работу в девять и приходил в шесть, мог поговорить с ней, поиграть с детьми, помочь приготовить ужин, сходить с ней в кино. А вместо этого он работал ночь напролет и утром, измученный, с безумными глазами, выбегал из дому с пачкой исписанных листов, чтобы успеть в съемочный павильон к десяти тридцати. Это было чересчур, слишком изнурительно, и за три года ей все надоело.